

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ

федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования

«РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГИДРОМЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Кафедра английского языка и литературы

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

На тему Образ сатаны в истории английской литературы (на материале произведений Кэдмона, Мильтона, Блейка, Байрона)

Исполнитель Кисилевич Анастасия Эдуардовна

(фамилия, имя, отчество)

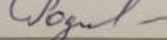
Руководитель доктор филологических наук, доцент

(ученая степень, ученое звание)

Якушкина Татьяна Викторовна

(фамилия, имя, отчество)

«К защите допускаю»

Заведующий кафедрой

к.ф.н., доцент

(ученая степень, ученое звание)

Родичева Анна Анатольевна

(фамилия, имя, отчество)

«21» июля 2019.

Санкт-Петербург

2019

«

»

На тему Образ сатаны в истории английской литературы (на материале произведений Кэдмона, Мильтона, Блейка, Байрона)

(, ,)

(,)

(, ,)

« »

(, ,)

(, ,)

«__»____20__ .

Санкт-Петербург

2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

.....	3
1.	
.....	9
1.1. 9
1.2.	
XIX 12
1.3.	XIX
.....	17
.....	24
2. 26
2.1. 26
2.2. 33
2.3. 42
« » 42
2.4. 47
.....	54
.....	58
.....	62
.....	68

— , , . , . « - » , . , , . , , . , , . [36], « » « » . , , « » («Junius Manuscript», 10), , , . « » « » . [35], , , . « » . , , , . [29].

XX-XXI

XVIII

[52].

[30],

[4],

[24],

XVIII –

XIX

[11],

[54],

[63]

[43],

[42]

[6],

[3],

[27].

1.

;

2.

:

19 ;

3.

19 ;

4.

;

5.

«

»;

6.

7.

« ».

8.

7

19

« » « », « », « », « ».

« » («Christ and Satan», 7)
« » («Genesis», 7), « » («Paradise
Lost», 1667), « » («The Marriage of
Heaven and Hell», 1790-1793) « » («Tiger», 1794),
« » («Cain», 1821).

:

,

.

:

1.

,

,

,

,

,

«

»

«

»,

«

»,

«

»

«

»,

«

»;

2.

,

,

,

,

;

3.

-

,

;

4.

,

,

.

.

,

,

,

.

,

«

»,

«

»,

«

»,

,

:

74

, ,

, , ,

65

, 28

:

: «

«

»

«

»,

15 2019

1.

1.1.

« » [18].

» (. 2:23 -24),

: «

» (. 12:9).

: « » (. 3:1).

« »

16:21).

« » « - ».

[34].

: «

».

12).

« , » (1:6-

2:4-6).

(. 3:1).

[32].

[34].

(. 25:41).

(. □13:27).

: «

» (. 26:17-18).

(1 . 2:18)

[32].

II

[32].

V

Biblia Vulgata

«

» [22].

«

».

: «

» (2 . 11:14).

[32].

1307 .

1310

54

[17].

1415

1431

30

[17].

1524-1526

!».

[26].

1618 -1648

XVI

XVII-XVIII

1789

[23].

1.3.

XIX

IV

II

[7].

V

[35].

V

[36].

597

595

664

[62].

«

»

: «

» [7, с. 138].

» [7, . 140].

«

», «

», «

»

«

».

VII

«

»,

40

[21].

1066

1066

II.

II

(1337-1453)

III

XVI

VIII

X

1525

[22]. 1533
1534

[36].

« »,

[13].

»

[51].

(1599-1658),

(1608-

1674).

«

» (1667)

«

» (1671),

«

»,

1823

[59].

1717

[27].

1789

[48].

: «

» [58].

XIX

[27].

1)

2)

3)

,
, , —
.
.
, , ,
, .

2.

, ,

2.1.

« »

« »

« » « »

. «

» –

,

1000

.

« », « », « »

« ».

,

,

VII .

,

. ,

,

« »,

,

[65].

-

« ».

,

,

. .

,

[1, . 106].

,

«

»

.

,

,

«

» [62].

,

,

«

»

,

.

« »

:

«Genesis B»

«The

later Genesis»,

235–851

«

».

. .

,

,

«

»,

VIII

[61].

«

»

,

«

»

«

»

.

,

with words and works. And here in torment
I must needs abide in bonds, nor ever hope
for any better home, because of my insolent pride»¹ [40; c. 150].

«Thou with thy lies didst teach us not to serve the Saviour!

...

In thy splendour thou didst think the world was thine, and
power of all things, and we, the angels, with
thee. Loathsome is thy face!»² [40; . 150-151].

«But it seemed to me that the Prince was
stern and hard of heart; and I began to go forth alone among the angels, and
said unto them all:

" I can show you enduring counsel, if ye
will trust my strength. Let us scorn this mighty Prince, the Lord of hosts, and
possess us of the radiance of His glory to be our own.

for this is empty boasting which we have
borne so long»³ [40; c. 157].

« », , , [37, . 151]. « » « » . , , , : :

«Wherefore, downcast and wretched, I must wander far, an exile journey, stripped of glory, shorn of virtue, bereft of joy in heaven among the angels, because I said of old that I was King of glory and Lord of all»⁴ [40; с. 153].

Сатане присущи привычно человеческие качества, в том числе жалость, вызванная тем, что невозможно изменить произошедшее. Сатана переживает, вспоминает о радостях. Но при этом он не является антагонистом Бога, он называет его милым вождем, таким образом, признавая божественное первенство:

«Alas! that I have lost eternal joy, that never again with my hands may I lay hold on heaven, nor thitherward lift up mine eyes, nor hear in mine ears the ringing voice of the trumpet, because I would have driven from His throne the Lord, the Son of God, and seized myself the power of majesty and joy and bliss»⁵ [40; с. 154].

Вторая часть «Сошествие в ад» является стихотворным переложением библейской истории о сошествии Иисуса Христа в ад. Иисус сокрушил ворота в Ад и освободил заключенные там души, вывел оттуда Адама, Еву и ветхозаветных праведников. Как такового использования Сатаны в качестве героя в ней нет, кроме зачина в виде той же истории про великого ангела Люцифера, поднявшего мятеж против бога. Сатана показан как могучий

противник, поскольку мать Иисуса смогла одержать победу только с рассветом и лишь из-за того, что Сатана и его воинство испугались солнца. Но при этом Сатана все равно несравним с Богом, и получает поражение от Сына Божьего, который окончательно загнал его в чертоги Ада.

Третья и самая короткая часть «Искушение в пустыне» – стихотворное переложение библейской истории об искушении Иисуса Сатаной, произошедшей в пустыне во время 40-дневного поста Христа. Согласно названию, Сатана представлен как сильный искушитель. Он искушает Иисуса тремя способами: голодом, гордыней и верой. В первом случае Сатана предлагает превратить камни в хлеб, затем броситься со скалы, ведь Иисуса сразу поймают и понесут на руках ангелы. Самое сильное искушение было связано с верой, когда Сатана предложил Христу преклониться перед ним и стать владельцем всего мира. Здесь Сатана представлен как вполне соизмеримый богу персонаж, который может даровать власть над всем миром тому, кто будет служить ему. Сам Сатана не находился в аду и спокойно перемещался по миру. При искушении верой он поднял Иисуса на плечо и отнес его на самую вершину. В этом моменте Кэдмон награждает его яркими эпитетами:

«Then the malicious, evil spirit in derision lifted Him up in his hands, and set Him upon his shoulder, and ascended a high mountain, and placed the Lord God on a peak thereof»⁶ [40; с. 170].

В итоге на Сатану обрушивается гнев Сына Божьего и тот отправляет его обратно в Ад. При этом Бог связал его путами, и Сатана не смог выбраться из Ада обратно. Он вновь уступил Богу и Иисусу, не являясь персонажем, равным им по значимости и силам.

Поэма «Христос и Сатана» стала первым произведением в английской литературе, где Сатана был введен в качестве самостоятельного персонажа. Несмотря на сюжетное соответствие данной поэмы с Библейскими историями, сам образ Сатаны является для Библии нехарактерным. Между «Плачем ангелов» и новозаветным рассказом о Люцифере остаются большие различия в

плане представления Сатаны. Если в Вульгате история падшего ангела только позволяет поставить Сатану в небесную иерархию, устранив ветхозаветную неопределенность образа, то в «Плаче ангелов» начинается развитие образа Сатаны. Сатана был наделен человеческими чертами: возможностью переживать, раскаиваться, горевать. Однако раскаяние Сатаны и признание ошибок означает его положение ниже Бога, непоколебимого и справедливого. Сатана не может называться его соперником, он слишком слаб. Он бросил вызов и пожалел об этом, не став антагонистом Господу. Кроме раскаяния и переживаний, Сатана берет на себя роль искушителя, которая непрерывно идет как через Библию, так и через его образ в английской литературе. Сатана искушает товарищей-ангелов, делает попытки искушения Христа, также в части «Сошествие в ад» была упомянута история искушения запретным плодом из уст самой Евы. В последних строках поэмы Кэдмон одновременно и предостерегает от грехов, и подчеркивает образ Сатаны как искушителя устами других падших ангелов:

“Lo! thus may evil be upon thee always! Thou didst not wish for good!»⁷ [39; с. 170].

В качестве искушителя Сатана выступает в поэме Кэдмона «Генезис». В данной работе исследуется часть, именуемая как «Genesis B» или «Грехопадение» в русскоязычном переводе В.Г. Тихомирова, который использовался для анализа [14]. Также в анализе использовался перевод Ч. Кеннеди с древнеанглийского языка на английский [41]. Рассматриваемый отрывок является строками 235–851 поэмы «Генезис». Несмотря на то, что поэма считается парафразой ветхозаветной книги Бытия, в нее вводится история падшего ангела, которая отсутствует как в книге Бытия, так и в Ветхом Завете.

Поэма начинается с истории мятежа ангелов. Кэдмон наделяет падшего ангела негативными чертами, называя чрезмерно гордым:

«Now when God had heard all this, how His angel was beginning to make presumptuous head against his Leader, speaking rash words of insolence against his

Lord, needs must he make atonement for that deed, endure the woe of strife, and bear his punishment, most grievous of all deaths»⁸ [41, с. 16].

Сатана, как и в поэме «Христос и Сатана», сожалеет о своем поступке. Но это не раскаяние – это лишь сожаление о низвержении в Ад, при этом он сетует на несправедливость этого и думает отомстить из зависти к Адаму:

«He named him with a name, and said their leader should be called from thenceforth Satan. He bade him rule the black abyss of hell in place of striving against God. Satan spake—who now must needs have charge of hell and dwell in the abyss — in bitterness he spake»⁹ [41, с. 18].

В поэме Сатана мстителен и честолюбив. Посчитав неправильным изгнание, он решает утащить за собой в ад Адама и Еву, чтобы люди не заняли престол, принадлежавший Сатане. Он не смирился с их спокойной жизнью под божественным присмотром, пока сам находится в Аду, связанный и лишенный прежней силы. Его посланник искусил Еву и призвал Сатану перестать сокрушаться, так как ослушались люди, и Господь прогневается на них:

«Wherefore they may no longer hold their heavenly kingdom, but they must travel the dark road to hell. | Thou needest not feel sorrow in thy heart, a s thou liest in thy bonds»¹⁰ [31, с. 31].

Подводя итог, необходимо отметить, что Сатана в поэмах «Христос и Сатана» и «Генезис» имеет как схожие черты с Ветхим и Новым Заветом, так и новые качества. В основе образа Сатаны лежит история падшего ангела Люцифера, но Кэдмон значительно расширил библейский сюжет, добавив в него художественную яркость и свойственный эпосу героизм. В поэме «Христос и Сатана» Сатана представлен еще слабым, подвластным воле Бога ангелом, его поданным, что совпадает с Ветхим Заветом. В части «Грехопадение» уже наблюдается резкий контраст в образе, схожий с образом новозаветным: он считает несправедливым свое низвержение в Ад. Он бесстрашен и намерен подчиняться Богу, им движет месть.

Различия в образах Сатаны в части «Грехопадение» поэмы «Генезис» и поэме «Христос и Сатане», вероятно, связаны с тем, что авторство поэм

достоверно неизвестно. Другой возможной причиной как различия в образах, так и использования образа раскаивающегося Сатаны, является недавнее познание Кэдмоном христианства, и параллельно идущий процесс христианизации Англии. В то же время, отход в богословских кругах от библейской ортодоксии, о котором упоминалось в главе 1, мог повлиять на изображение образа Сатаны в творчестве Кэдмона.

Кэдмон сделал первый шаг в представлении образа Сатаны в литературе, введя его в качестве главного героя в своих поэмах и раскрыв его значимость как библейского персонажа, так и антагониста Бога. Поэму «Христос и Сатана» можно рассматривать как апокрифический религиозный труд, который дополняет канонические библейские книги. «Генезис» отчасти можно назвать переосмыслением ветхозаветной книги Бытия в соответствии с современными Кэдмону представлениями о Сатане и истории грехопадения людей. С творчества Кэдмона можно говорить о становлении образа Сатаны в английской литературе и его трансформации в течение следующих веков в творчестве английских писателей.

2.2.

« »

Поэма «Потерянный Рай» является центральным произведением в творчестве английского поэта Джона Мильтона (1608-1674). По мнению А.А. Чамеева поэма Мильтона была крупнейшей из многочисленных попыток писателей XVI–XVII вв. возродить эпос в его классической форме. Образцом служили Мильтону эпические поэты античности – Гомер и Вергилий. Следуя им, автор стремился нарисовать в «Потерянном Рае» универсальную картину бытия: битвы, решающие судьбы народов, возвышенные лики небожителей и человеческие лица, сохраняя при этом образ повседневности. Милтон вводит характерные для эпоса приемы гиперболизации, частые эпитеты, развернутые сравнения [30].

О.Г. Смирницкая в комментариях к «Грехопадению», переводу на русский язык части поэмы «Genesis B» Кэдмона выдвинула тезис о том, что

Мильтон вдохновился «Грехопадением» [14]. Об этом свидетельствуют хронологические факты: «Потерянный Рай» был опубликован через 12 лет после публикации «Кодекса Юниуса», при этом сам Юниус долгое время жил в Англии и теоретически мог быть знаком с Мильтоном. Однако в первую очередь отмечается сюжетное сходство данных поэм. Они обе построены на истории грехопадения из книги Бытия, но в то же время и «Грехопадение», и «Потерянный Рай» достаточно сильно отходят от библейских канонов, в том числе введением в поэмы Сатаны в качестве одного из центральных героев. Тем не менее, сходство произведений может объясняться и тем, что они основывались на общих, недостаточно известных современным исследователям, источниках, в частности, латинскую поэму венского епископа Авита «De Mosaicae Historiae Gestis Libri Quinque», написанную в середине V века [14].

Поэма «Потерянный Рай» была впервые опубликована в 1667 году. Она представляет собой рассказ о мятеже и дальнейшем низвержении Сатаны и рассказ о грехопадении Адама и Евы, связанные в одну сюжетную линию. Поэма состоит из 12 книг, разделенных по смыслу и динамике сюжета. В данной работе при анализе образа Сатаны использовался перевод А. Штейнберга на русский язык [19] и оригинальный текст под редакцией К. Левальски [57].

Уже в начале поэмы «Потерянный Рай» Мильтон указывает на антагонизм Сатаны и Бога, проводя параллели с борьбой добра и зла, которая была присуща и рассмотренным поэмам Кэдмона, и библейским книгам:

«Fall'n Cherube, to be weak is miserable
Doing or Suffering: but of this be sure,
To do ought good never will be our task,
But ever to do ill our sole delight,
As being the contrary to his high will
Whom we resist. If then his Providence
Out of our evil seek to bring forth good,

Our labour must be to pervert that end,
And out of good still to find means of evil»¹¹ [57; с.16, книга 1].

Эти слова были сказаны Сатаной Вельвузелу после низвержения в Ад. Стоит обратить внимание на разделение Мильтоном Сатаны и Вельвузела. При рассмотрении Нового Завета в 1 главе было выяснено, что в Евангелии от Матфея Сатана и Вельзевул обозначают одного и того же героя, «князя бесовского» (Мф. 10:25). Вельзевул в «Потерянном Рае» представлен одним из божеств Ханаана, что соответствует его изображению в Ветхом Завете.

Несмотря на низвержение в Ад Сатана оставался могучим воином, полным решимости и желанием отомстить Богу, что схоже с его изображением в поэме «Генезис»:

«The force of those dire Arms? yet not for those
Nor what the Potent Victor in his rage
Can else inflict do I repent or change,
Though chang'd in outward lustre; that fixt mind
And high disdain, from sence of injur'd merit»¹² [57; с.14, книга 1].

Кроме того, Сатана уверен в том, что ему и его рати удастся одержать победу над «Тираном»:

«We may with more successful hope resolve
To wage by force or guile eternal Warr
Irreconcilable, to our grand Foe,
Who now triumphs, and in th' excess of joy
Sole reigning holds the Tyranny of Heav'n»¹³ [57; с. 15, книга 1].

В этих строчках раскрывается мятежность Сатаны, который не хочет никому подчиняться, а хочет править сам. Мильтон показывает властолюбие Сатаны, показывая, что он для него важна власть :

«...and in my choyce
To reign is worth ambition though in Hell:
Better to reign in Hell, then serve in Heav'n»¹⁴ [57; с. 19, книга1].

Сатана, собрав в Аду совет из падших ангелов, изгнанников и грешников,

решает убедиться в истинности пророчества о новом небесном мире и существ, схожих с ангелами – людей. Сатана решает предпринять одиночное путешествие в Эдем. Стражи Ада открывают ворота, после того, как Сатана искушает их речами, в которых обещает чудовищам, что те будут рядом с ним на Небесах. Роль красноречивого искусителя является каноничной с точки зрения как Ветхого Завета, каким Сатана был в книге Иова, так и Нового Завета.

В Библии Сатана умел принимать разные внешние формы, меняя свое обличие. В поэме «Потерянный Рай», чтобы пройти в ворота Рая, Сатана принял вид младшего ангела, который хотел посмотреть на людей. На дерево с запретным плодом он вознесся в виде морского ворона. В попытках искушить Еву во сне Сатана превратился в жабу, а затем уже в змею. Когда ангелы распознали в жабе Сатану, он принял вызов, приняв собственный вид и намереваясь сразиться с ангелами. Мильтон описывает Сатану могучим воином. В сравнениях Сатаны с Атласскими горами и Тенерифе, островом, который венчает вулкан Тейде, видно восхищение Мильтона сатанинским могуществом:

«On th' other side SATAN allarm'd
Collecting all his might dilated stood,
Like TENERIFF or ATLAS unremov'd:
His stature reacht the Skie, and on his Crest
Sat horror Plum'd; nor wanted in his graspe
What seemd both Spear and Shield»¹⁵ [57; с. 119, книга 4].

В дальнейшем повествовании Мильтон описывает рассказ ангела Рафаила Адаму о Сатане. Этот разговор важен как связующее звено поэмы, потому что в нем описывается причина, по которой Сатана поднял мятеж против Господа. Мильтон вводит в поэму дополнительную линию, связанную с образом Сына Божьего. Она заключается в том, что Бог возвеличивает Сына и заставляет всех ангелов, архангелов, серафимов и херувимов присягать ему на верность, что явилось первопричиной восстания Сатаны:

«He of the first,
If not the first Arch-Angel, great in Power,
In favour and præeminence, yet fraught
With envie against the Son of God, that day
Honour'd by his great Father, and proclaim'd
MESSIAH King anointed»¹⁶ [57; с. 141, книга 5].

Таким образом, после возвеличения Сына Божьего, Сатана занимает третью позицию в небесной иерархии, с чем он смириться не смог, и это вновь показывает его властолюбие и неприятие подчинения:

«Knee-tribute yet unpaid, prostration vile,
Too much to one, but double how endur'd,
To one and to his image now proclaim'd?»¹⁷ [57; с. 145, книга 5].

Небесное сражение длилось в течение трех дней. Мильтон отмечает, что продолжительность битвы связана лишь с тем, что Бог позволил Сатане удержаться в первый день, восторжествовать во второй день битвы, чтобы поражение оказалось еще более горьким, а Сатана оказался сломлен психологически. Несмотря на то, что описание битвы занимает важную часть произведения, «Потерянный Рай» нельзя отнести к воинскому эпосу, однако Р.М. Самарин отмечал, что Мильтон использовал для батальных описаний множество поэтических средств и приемов [25]. Так, например, во время битвы Мильтон показывает Сатану искусным полководцем и изобретателем пушки, выстрелами из которых поверг много ангелов:

«Immediate in a flame,
But soon obscur'd with smoak, all He av'n appeerd,
From those deep-throated Engins belcht, whose roar
Emboweld with outrageous noise the Air,
And all her entrails tore, disgorging foule
Thir devillish glut, chaind
Thunderbolts and Hail Of Iron Globes»¹⁸ [57; с. 165, книга 6].

Бог знал о перемещениях и замыслах Сатаны, например, когда Сатана

ступил на Небеса, покинув Ад, Бог это видел. Знал он и о том, что Адам и Ева будут подвергнуты искушению. Благое деяние Бога сменяется попыткой Сатаны извратить это деяние, но все заканчивается торжеством Добра. Стоит отметить, что в поэме «Потерянный Рай» люди представлены как самостоятельные, ответственные за собственную судьбу. Они наделены свободной волей и должны постоянно выбирать между Богом и Сатаной, добром и злом, созиданием и разрушением, духовным величием и нравственной низостью. Британский писатель и теолог К.С. Льюис отмечал, что образ Сатаны – это лучший образ, созданный Мильтоном, но в то же время, по его мнению, восхищаться мильтоновским Сатаной значит выбрать мир страданий, лжи и выдавать желаемое за действительное [53].

Бог одновременно унизил Сатану, когда тот посчитал себя победителем, и возвеличил Мессию. Сатана думал, что он выступает против Бога, но на самом деле действовал в соответствии с его волей. При анализе текста возникает предположение о том, что Богу был выгоден мятеж Сатаны для возвеличения Сына Божьего. Бог это признает, обращаясь к Сыну уже в разгаре военных действий и говоря, что направил «гнусный бунт» в нужное русло:

«Wild work in Heav'n, and dangerous to the maine.

Two dayes are therefore past, the third is thine;

For thee I have ordain'd it, and thus farr

Have sufferd, that the Glorie may be thine

Of ending this great Warr, since none but Thou

Can end it. Into thee such Vertue and Grace

Immense I have transfus'd, that all may know

In Heav'n and Hell thy Power above compare,

And this perverse Commotion governd thus,

To manifest thee worthiest to be Heir

Of all things, to be Heir and to be King (By Sacred Unction, thy deserved right)»¹⁹ [57; с. 169, книга 6].

Сатана неоднократно искушал Бога и Сына Божьего, но в данной поэме

Господь выступил в роли искушителя, предоставив Сатане серьезный повод для мятежа. Сатана оказался не в силах побороть искушение и начал восстание. Несмотря на свое могущество, Сатана все равно остается Божьим созданием, которое будет априори слабее, будет действовать согласно его воле. Это соотносится с пуританским ортодоксальным толкованием Библии. Также данный вывод совпадает с мнением П. Шелли, который писал, что Сатана «будучи сотворен Богом, не может иметь никаких желаний и склонностей, кроме тех, что заложены в нем его создателем» [33].

Однако, видны и расхождения с пуританскими канонами, подробнее которые были описаны в главе 1. В пуританстве основным мотивом миропорядка была борьба добра со злом, которые понимались однозначно. Мильтон же выразил противоборство дуализм иных мотивов: Божественного Добра, и дух мятежа, представленный в образе Сатаны. Дух мятежа нельзя однозначно отнести ко злу. Так же считал А.А. Аникст, утверждая, что «Потерянный Рай» не был ни подтверждением, ни опровержением пуританского мировоззрения, поскольку Бог у Мильтона являлся воплощением положительных моральных принципов, в то же время Сатана сразу после низвержения в Ад провозгласил, что «добру служить не будет никогда». Бог представляется Мильтону абстрактным воплощением принципа добра и символизирует утверждение положительных жизненных начал. Сатана по замыслу должен был быть абстрактным воплощением зла. Аникст отмечает то, что у Мильтона произошло расхождение с изначальным замыслом, утверждая, что результатом «Потерянного Рая» явилось религиозное и политическое противоречие, составляющее существенную черту всего произведения в целом: пуританин Мильтон стоит на стороне Бога, республиканец Мильтон отдает симпатии бунтарю Сатане. Р.М. Самарин ставил проблематику произведения выше, предполагая, что через «эпическую дихотомию» «Потерянного Рая» показано духовное противостояние XVI-XVII веков [25, с. 268]. В связи с этим, он объяснил центральное положение военных сцен в поэме, которые подчёркивают «противоречивую сущность бытия». Аникст также вводит такой

важный термин, как «вершинный момент действия» [4, с. 39]. Этот термин означает степень участия героя в ключевых моментах произведения. В поэме «Потерянный Рай» они едва ли не все связаны с Сатаной: небесная битва, собор в Аду, искушение Евы.

Некоторые литературоведы связывали появление образа Сатаны с историческими событиями, свидетелем и участником которых был Мильтон. Неоднозначное отношение Мильтона к Английской революции помогает понять такой же неоднозначный «Потерянный Рай». Мильтон был противником монархии, был недоволен установлением диктатуры Кромвеля, считал существовавшую систему коррумпированной. К. Хилл отождествляет Сатану с Оливером Кромвелем, считая, что Мильтон перекладывает события Английской революции и гражданской войны в поэму [50]. Такого же мнения придерживается А.А. Чамеев, который считает, что Мильтон разочаровывается в революции и вкладывает в образ Сатаны личность лорда-протектора Кромвеля. Несмотря на переводение образа Сатаны в историческую плоскость, Чамеев отмечает тесное переплетение религиозных, этических, политических и философских элементов, однако признает, что первичным в этом замысле был религиозно-нравственный аспект, по сути, тот же аспект, что и в истории грехопадения в ветхозаветной книге Бытия, но существенно переосмысленный Мильтоном [31].

Вероятным является политическое влияние на поэму «Потерянный Рай», о допустимости такой трактовки гласят мнения литературоведов. С одной стороны, в начале английской революции Кромвель действительно был мятежником, бросившим вызов прежнему строю и деспотии. Таким же мятежником был Мильтон. Но затем Кромвель устанавливает диктатуру, а именно с «тиранией» Бога боролся в поэме Сатана. И Мильтон выражает недовольство новой властью. Этим также подтверждается двойственность: поддержка революции и отрицание ее итогов. Однако при отождествлении Сатаны с Оливером Кромвелем должен возникнуть вопрос об отождествлении Бога. Пуританин Мильтон едва ли мог отождествлять Бога с каким-либо

историческим персонажем. Отождествление с династией Стюартов невозможно из-за республиканских взглядов Мильтона, отождествление Бога с народом представляется более возможным, но препятствием для этого является религиозность Мильтона. В целом, точных причин использования образа Сатаны выявить невозможно, о чем пишет В.Г. Белинский: «Поэзия Мильтона – явно произведение его эпохи: сам того не подозревая, он в лице своего гордого и мрачного Сатаны написал апофеозу восстания против авторитета, хотя и думал сделать совершенно другое» [8].

В ходе анализа можно увидеть, что образ Сатаны в поэме Мильтона «Потерянный Рай» является уже в полной мере художественным. Несмотря на сильное влияние Библии, Мильтоновский Сатана предстает в большей степени авторским персонажем. Сатана Мильтона не просто хочет пошатнуть авторитет Бога или попытаться с ним сравниться – в своей борьбе он видит истинное воплощение справедливости. Вера в эту справедливость движет Сатаной, заставляет его идти вперед, не отступая, даже если поражение сильно. Тем не менее, можно обозначить преемственность между Кэдмоном и Мильтоном. Схожесть поэм выражается в сюжете, основанном на ветхозаветной истории о грехопадении, в частично схожем образе Сатаны.

Пуританством Мильтона объясним авторский тезис об искушении Богом Сатаны, соотносящийся с библейской трактовкой образа Сатаны как воплощения зла, но вместе с тем и божественного создания. Данный тезис основывается на строках поэмы про управление Богом сатанинским протестом и соотносится с мнением П. Шелли о несамостоятельности Сатаны. Неоднозначность интерпретации образа обозначается тем, как Милтон называет Сатану: «архивраг», «отступник», «первозлодей», тогда как другие падшие ангелы называют его «князем», «главой порфириновых сил», «вождем Серафимских ратей боевых». Также это обозначает представления Мильтона о религии.

Уильям Блейк (1757-1827) – английский поэт и художник, годы жизни которого пришлись на эпоху социальных и политических изменений. Блейк был современником Французской революции 1789 года, которую называл властью народа, что Батай отмечает как «восхваление слепого буйства силы» [6]. В это время в Англии была эпоха консерватизма, выразившаяся в слиянии власти духовной и государственной, о чем более подробно было рассказано в главе 1. Блейк не был противником религии, об этом он писал в поэме «Иерусалим»: «Человек должен и будет иметь некоторую религию; если у него нет религии Иисус, у него будет религия Сатаны, и он возведет синагогу Сатаны» [52]. Но в противопоставлении официальному религиозному консерватизму, Блейк отстаивал возможность свободно творить, не подчиняясь общепринятым правилам и нормам. Свобода была для него превыше всего, о чем он писал сам в поэме «Бракосочетание Рая и Ада»:

«One Law for the Lion and Ox is Oppression»²⁰ [9, с. 378, «Памятный сон»].

Д. Уильямс отмечал, что это не столько слова против равенства, сколько против Единого закона, который судит нас за равенство перед ним. Метафоричные лев и вол, под которыми подразумеваются люди, действительно различны, но их равенство должно заключаться в том, чтобы быть одинаково свободным, чтобы быть тем, чем они являются, то есть Блейк считал, что, если у нас нет равных путей, мы должны иметь «равные права на эти пути» [67, с. 243]. Можно провести аналогии между этой мыслью и лозунгом Французской революции 1789 года «Liberté, Égalité, Fraternité», поскольку события во Франции повлияли на Блейка и его творчество.

Блейк писал на темы, которые тогда критиковались обществом. Он переосмыслил опыт Мильтона, в религиозных темах Блейк опирался на шведского теософа Сведенборга, а наследие итальянских мастеров эпохи Возрождения использовал в изобразительном искусстве [29]. Блейк был ярким представителем романтизма, который характеризовался, в том числе,

переосмыслением роли Сатаны и Бога, в которой образ Сатаны пр .

В данной исследовательской работе рассматривается ранняя книга Блейка «Бракосочетание Рая и Ада», написанная в 1793 году. Она написана в прозе, за исключением частей «Смысл» и «Песня свободы». Название отсылает к богословской работе Эммануила Сведенборга «Небеса и Ад». «Бракосочетание Рая и Ада» Блейка построено вокруг противостояния между истинным и ложным пророком. Произведение наполнено полемикой со Сведенборгом и Мильтоном. Сведенборг пытался приуменьшить духовный смысл, возвышенное восприятие Библии. Блейк отвергает «Духовное равновесие» Сведенборга между добром и злом, что выражается неоднократным упоминанием самого шведского теософа. Ж. Батай под этими строками из части «Смысл» понимал предложение Блейка не отрицать зло, а посмотреть на него пристальнее [6]:

«Without Contraries is no progression. Attraction and Repulsion, Reason and Energy, Love and Hate, are necessary to Hu man existence.

From these contraries spring what the religious call Good and Evil.

Good is the passive that obeys Reason. Evil is the active springing from Energy.

Good is Heaven. Evil is Hell»²¹ [9; с. 352, «Смысл»].

Произведение открывается стихотворением «Смысл». В нем рассказывается о путнике, которого злодей прогнал с праведной тропы:

«Till the villain left the paths of ease,

To walk in perilous paths, and drive

The just man into barren climes.

Now the sneaking serpent walks

In mild humility,

And the just man rages in the wilds

Where lions roam»²² [9; с. 350, «Смысл»].

Г. Блум писал, что появление злодея на опасном пути знаменует собой начало нового Рая, «мягкое смирение» ангельской сдержанности. При этом, по

его мнению, под праведником Блейк подразумевал Сатану, который впоследствии был вынужден «неистовствовать», находясь посреди пустынь, то есть в Аду [38, с. 117]. Здесь можно провести параллель с выдвинутым ранее тезисом об искушении Богом Сатаны. Образ коварного змея, несмотря на то, что в ветхозаветной книге Бытия Еву искушал змий, в богословии традиционно отождествляется Сатаной.

На страницах «Бракосочетания Рая и Ада» Блейк полемизирует с Мильтоном. Блейк считал, что Сатана должен был стать истинным героем «Потерянного Рая». Он заявлял о несовершенстве изображения Сатаны в поэме Мильтона. Такого Сатану, каким он должен был быть, по его мнению, можно увидеть в «Бракосочетании Рая и Ада» [43]. В этих строках из части «Голос Дьявола» Блейк описывает свое восприятие Сатаны Мильтона :

«The reason Milton wrote in fetters when he wrote of Angels and God, and at liberty when of Devils and Hell, is because he was a true Poet, and of the Devil's party without knowing it»²³ [9; с. 354, «Голос Дьявола»].

Блейк мыслил о симбиозе Бога и человека как объединения конечного и бесконечного. Именно в этом стояло обретение «полноты божественного универсума» [28]. Это выражается через слова Сатаны ангелу во время их диалога о Боге:

«The worship of God is: Honouring his gifts in other men, each according to his genius, and loving the greatest men best: those who envy or calumniate great men hate God; for there is no other God»²⁴ [9, с. 376, «Памятный сон»].

В ответ на эти слова ангел начал менять цвет, что уже прослеживалось в «Потерянном Рая» Мильтона:

«The Angel hearing this became almost blue; but mastering himself he grew yellow, and at last white, pink, and smiling»²⁵ [9; с. 376, «Памятный сон»].

Этот ангел, в конце концов, переходит на другую сторону и становится дьяволом, «особым другом Блейка», с которым он «часто читает вместе Библию в ее адском или дьявольском смысле» [42, с. 297].

Важным образом произведения является образ Тигра. Данный образ

Блейк использовал в стихотворении «Тигр», которое важно для анализа Тигра в «Бракосочетании Рая и Ада». Из русскоязычных переводов использовался перевод В.Л. Топорова.

В данном стихотворении прослеживается отождествления Тигра с Сатаной. Их объединяют схожие черты и судьба: гордость, мятеж, падение, скованность цепями. В строках, в которых Блейк задается вопросом о том, кто создал Тигра, можно увидеть отсылки к созданию Богом Сатаны. Блейк спрашивает, где Тигр был создан, в «преисподней или небесах», не понимая, как создатель «не обжегся». Вероятно, таким сравнением с огнем подчеркивается непримиримость Сатаны/Тигра, а вопрос о райском или адском происхождении возможно перенести в дискурс добра и зла:

«In what distant deeps or skies
Burnt the fire of thine eyes?
On what wings dare he aspire?
What the hand dare seize the fire?»²⁶ [10, с. 172].

Л. Дамрош отметил в следующих строках отсылку к «Потерянному Раю» Мильтона. По его мнению, копыта напоминают оружие падших ангелов, а их горький плач после низвержения «омывает небеса» [43, с. 85]. Также он считает, что здесь присутствует упоминание о полете Сатаны через хаос, чтобы уничтожить Адама и Еву:

«When the stars threw down their spears,
And water'd heaven with their tears,
Did he smile his work to see?
Did he who made the Lamb make thee?»²⁷ [10, с. 172].

Оканчивается стихотворение вопросом «Кто велел тебе восстать?». У данных строк может быть разная трактовка. Этот контекст схож с тезисом об искушении Богом Сатаны, который был выдвинут в ходе рассмотрения «Потерянного Рая» Мильтона. Возможно, Блейк задается философским вопросом о первопричинах зла в Сатане:

«Tyger! Tyger! burning bright

In the forests of the night,
What immortal hand or eye,
Dare frame thy fearful symmetry?»²⁸ [10, с. 172].

Однако это стихотворение можно трактовать и с другой точки зрения. Описание Тигра практически полностью совпадает с описанием бегемота в ветхозаветной книге Иова. Однако, учитывая специфику творчества Блейка, более вероятно, что за образом Тигра скрывается Сатана. Сами предпосылки использования образа Тигра в качестве Сатаны остаются неизвестным, но П. Акройд предположил, что это связано с трактатами по биологии той эпохи, в которых тигр представлялся наиболее свирепым и решительным животным [3]. Ж. Батай писал, что Тигр внушает самому Блейку больше страха, а не решительности [6]. В «Бракосочетании Рая и Ада» образ Тигра проявляется в чертах Левиафана:

«... and now we saw it was the head of Leviathan. His forehead was divided into streaks of green and purple like those on a tiger's forehead. Soon we saw his mouth and red gills hang just above the raging foam, tinging the black deep with beams of blood, advancing toward us with all the fury of a Spiritual Existence»²⁹ [9; с. 372, «Памятный Сон»].

Левиафан был чудищем Хаоса, созданием, не принадлежащим Богу. Он также был описан в ветхозаветной книге пророка Исайи: «В тот день поразит Господь мечом Своим тяжелым, и большим, и крепким левиафана, змея прямо бегущего, и Левиафана, змея изгибающегося, и убьет чудовище морское» (Ис. 27:1). Если провести параллель между ним, Тигром и Сатаной, то можно предположить о том, что Блейк утверждает, что Сатана не являлся созданием Бога. Возможно, под самим Левиафаном Блейк подразумевал Сатану, что соответствует некоторым богословским толкованиям новозаветной книги Откровений Иоанна. В христианской демонологии, в частности, созданной немецким теологом Петером Бинсфельдом в 1569 году классификацией демонов, Левиафан изначально представляется как князь Серафимов, который поддержал мятеж Сатаны и был низвергнут в Ад. За преданность Сатана отдал

ему во владение море [47].

Причины использования образа Тигра в качестве Сатаны в «Бракосочетании Рая и Ада» неизвестны, однако Г.А. Токарева отмечает, что многие литературоведы видят в нем апофеоз зла, но при этом она предупреждает о субъективизме эмоций и особенностях воспринимающего сознания [27]. В части «Пословицы Ада» Блейк также упомянул Тигра:

«The tigers of wrath are wiser than the horses of instruction»³⁰ [9; с. 360, «Пословицы Ада»].

Если считать, что образ Тигра и есть образ Сатаны, то можно предположить, что за образом «смирных коняг увещаний» стоят Бог и ангелы. Таким образом, Блейк ставит Сатану выше Бога в мудрости.

Подытоживая, можно отметить, что картина мира Блейка была основана на гармонии сил добра и зла. Это сделало образ Сатаны в «Бракосочетании Рая и Ада» совсем иным. Сатана предстает мудрым праведником, которого божественные силы сбивают с пути. Образ Сатаны также связан с полемикой Блейка и Мильтона. Блейк противопоставляет своего героя Сатане из «Потерянного Рая», упрекая Мильтона в недостаточном раскрытии этого образа и поднимая теологический спор относительно Мессии из книги Иова.

Возможным представляется выдвинуть авторский тезис об образе Сатаны в виде Тигра, который фигурировал в «Бракосочетании Рая и Ада». Блейку характерна преемственность образов, поэтому для полноценного анализа образа необходимо исследование стихотворения «Тигр» и сравнение его текста с традиционным библейским мифом о Сатане. В ходе исследования «Тигра» также были найдены отсылки к «Потерянному Раю» Мильтона.

2.4.

. « »

Джордж Гордон Байрон (1788-1824) – английский поэт, непростая судьба которого не сломила его поэтический талант. Творчеству Байрона присущи сила, отстраненность от патриотических предрассудков, симпатии к силам человечества в движении за свободу [63]. Однако Байрон нередко

критиковался, его прогрессивные взгляды на мир были чужды большей части общества. Д. Милнер, его современник, в 1821 году писал о Байроне так: «Он смеется над слабостью, по его мнению, своих собратьев и попирает хладнокровным издевательством над всеми наилучшими интересами истинного христианина» [56].

Герой байроновской поэзии, как и сам Байрон, неотделим от национально-освободительной борьбы. Это герой своего времени, мечтающий найти себя, своё призвание. Такими героями были Каин и Люцифер из пьесы «Каин»

«Каин» был написан в 1821 году, сам Байрон назвал эту пьесу мистерией. В высшей степени «антиклассицистическая», по мнению И.Я. Дьяконовой, эта поэма обусловлена кризисом идеологии Просвещения, переводя политические и социальные проблемы эпохи в философский план [12]. Основой пьесы «Каин» является библейский миф об убийстве Авеля Каином, которые были братьями, и сыновьями Адама и Евы. В интерпретации Байрона Каин превращается в романтического героя, который восстает против тирании Бога. Каин упрекает Бога за изгнание людей из Эдема, а Адама и Еву за то они сорвали лишь плод с древа знания, не сорвав плод с древа жизни, что дало бы людям бессмертие. Он является единственным из людей, кто восстал против Бога, понимая, что не все божественное добро обращается во благо людям. Прочитав его мысли, к нему приходит Люцифер, падший ангел, первым поднявший мятеж против Бога, обещая показать смерть и наставляя стремиться к познанию. Бунт против Бога обращается убийством Авеля. Ева проклинает сына-братоубийцу, ангел ставит клеймо ему на чело. Каин и Ада с детьми уходят в изгнание. Главное наказание, которое получил Каин – его вечное сомнение и познание, принесенное Люцифером. В исследовании использовался русскоязычный перевод И.А. Бунина [5] и английский оригинальный текст [39].

В предисловии Байрон уверяет, что строго следовал библейскому сюжету ветхозаветной книги Бытия, что выражается в отрицании искушения Евы самим Сатаной. Эта позиция в строках пьесы передана через слова Люцифера:

«I tell thee that the serpent was no more
Than a mere serpent: ask the cherubim
Who guard the tempting tree»³¹ [39; с. 524, строки 228-230].

Бог для Байрона представляет источник зла, несмотря на заявленное самим Байроном следование Библии. Эта мысль получила воплощение в образе Люцифера. Тем не менее, П.А. Курбонов считает, что «Каин» не является свидетельством неверия Байрона в Бога, а отражает отношение писателя к несправедливости, в частности, изгнания первых людей из Эдема [16]. Современники же считали обратное, критикуя Байрона в литературных журналах. Например, Д. Грэхем в 1822 году в стихотворном ответе на мистерию сокрушался, что Байрон, который мог сделать «мелодичный концерт с Божественным хором», свой талант променял на «шипение змеи» [46]. Известный английский литературовед М. Ростон писал, что богоборчество Байрона связано с кальвинистским воспитанием, которое он пытался всячески отринуть [59].

Сформировав собственную жизненную философию, Байрон понял, что Рай – это своего рода Ад. Р. Гликнер оценивал жизненную философию Байрона как экзистенциальную, указав на грехопадение как основу взглядов поэта. Эту систему взглядов Гликнер назвал «теологией отчаяния» [45, с. 181]. Однако в мистерии Люцифер представлен героем, который Рай и Ад уравнивает, повторяя блейковскую концепцию о важности как добра, так и зла, возможности людям принять их в себе:

«Evil and good are things in their own essence,
And not made good or evil by the giver;
But if he gives you good so call him; if
Evil springs from him, do not name it mine»³² [39; с. 537, строки 452-455].

В первом акте Люцифер так отвечает Каину на его реплику о том, что он «глядит почти что Богом»:

«I am none:
And having fail'd to be one, would be nought

Save what I am. He eonqner'd; let him reign!»³³ [39; с. 523, строки 129-130].

В этой фразе можно проследить противопоставление Сатане Мильтона. Стоит отметить, что противопоставление может выражаться и в использовании другого имени. Несмотря на влияние Мильтона и следование книге Бытия, Байрон называет своего героя Люцифером, а не Сатаной, «светоносным» с латыни, как он был назван в Вульгате. Противопоставление в этой фразе Люцифера заключается в том, что Сатана в «Потерянном Рае» Мильтона, стремился к богоборчеству. Люцифер Байрона смирился с тем, что не сверг Бога, но, как и Сатана Мильтона, он подчеркивает, что главное для него – не быть ничьим слугой:

«...I would be aught above beneath
Aught save a sharer or a servant of
His power»³⁴ [39, с. 525, строки 304-306].

С помощью Мильтона Байрон защищал «Каина» от обвинений в богохульстве, говоря, что если «Каин» – богохульство, то и «Потерянный Рай» тоже богохульство. В ответ Байрон был несправедливо раскритикован. Так, английский литературный критик и современник Байрона Л. Хант в 1828 году писал, что Байрон был не искренен в своих речах, защищаясь Мильтоном. Милтон, будучи пуританином, не имел ничего против религии своего времени, а «Потерянный Рай» – фидеистическое произведение. Байрон же фактически «напал» на представления евреев об уважении зла и его происхождения [51, с. 418].

Поэма Мильтона, как уже отмечал Хант, провозглашает роль веры над разумом, в отличие от пьесы «Каин». Байрон не видел в Люцифере моральный образец своей пьесы, он представлял его в критическом свете. Но помимо негативных качеств, которыми наделен Люцифер, Байрон также сделал его вызывающим сочувствие у читателя, говорящим мощные речи. По мнению Д. МакГанна, прощальные слова Люцифера Каину – это риторическая мольба об одном из самых глубоких убеждений Байрона: интеллектуальной свободе [55, с. 23]:

«One good gift has the fatal apple given
Your reason: let it not be over-sway 'd
By tyrannous threats to force you into faith
'Gainst all external sense and inward feeling:
Think and endure, and form an inner world
In your own bosom where the outward fails;
So shall you nearer be the spiritual
Nature, and war triumphant with your own»³⁵ [39; с. 537, строки 459-461].

Байрон поддерживал критиков XVIII века, обосновывавших романтическую идею о том, что Сатана был героем «Потерянного Рая». П. Торслев писал, что к концу XVIII века возвышенный образ Сатаны стал сентиментальным, в некотором смысле гуманизированным, приводя в пример Сатану Клопстока, которого автор привел на покаяние к воротам Рая [63, с. 74]. В литературе романтизма гордыня перестала быть грехом, таким образом, Сатана стал символом романтического восстания.

Байрон критиковал изображение Бога у Мильтона, потому что он ему казался слишком обыденным, и выглядел нелепо, выполняя свое классическое библейское предназначение. Д. МакГанн отмечал, что, по мнению Байрона, Бог вообще не должен был появляться в поэме «Потерянный Рай». Точно так же характер Сатаны, созданный Мильтоном с величайшим искусством, у Байрона получил портрет героя-преступника [55]. Он, безусловно, был виновен, но чистым воплощением зла он не был. Гуманистическое прочтение «Потерянного Рая» помогло Байрону создать его собственный портрет Сатаны, которому также была характерна неоднозначность. В отличие от Сатаны Мильтона, прославляющего возмездие, Люцифер Байрона тянется к знанию, духовному познанию. А.С. Ромм писал, что философская основа этой неоднозначности заключалась в трагической уверенности Байрона в невозможности преодоления зла [26]. Гуманность созданного Байроном образа выражается в данных словах Люцифера из первого акта пьесы:

«Spirits and men, at least, we sympathize;

And, suffering in concert, make our pangs,
Innumerable, more endurable,
By the unbounded sympathy of all
With all!»³⁶ [39; с. 523, строки 167-161].

Байрон не имел никакого желания, как и его герои, Каин и Люцифер, выбирать формы поклонения, поэтому у нельзя сказать, что пьеса представляет сторону Бога или Сатаны. В этом вопросе Байрон считал, что точно следует примеру Мильтона, потому что не видел однозначного богословия в «Потерянном Рае». Поэма Мильтона для Байрона отражала непредвзятость их создателя. В этом письме Байрона Томасу Медвину не только содержится суть его отношения к Мильтону как к мыслителю, но и объясняется, почему влияние Мильтона на Люцифера из «Каина» приобрело особую форму: «Его великие эпопеи ... ничего не доказывают ... Он, конечно, вызывает сострадание к Сатане, и старается изобразить его израненным персонажем – он дает ему человеческие страсти, жалеет Адама и Еву и оправдывает себя так же, как Прометей ... Мне очень любопытно узнать, какова была его настоящая вера. «Потерянный Рай» и «Возвращенный Рай» не дают мне ответа на этот вопрос» [54, с. 77-78].

Обобщая изложенное в данном параграфе, стоит отметить, что Джордж Байрон, следуя библейскому мифу об убийстве Каином Авеля, вводит образ Сатаны в виде падшего ангела Люцифера, пока зывающего Каину иные миры, наставляющий сына Адама и Евы стремиться к духовному познанию и просвещению. Люцифер представляется мудрецом, который уже не готов бросать вызов Богу, но служить ему никогда не будет. Сомнения, которые он преумножил в Каине, привели к братоубийству и изгнанию Каина с семьей. Таким образом, можно предположить, что и здесь было место сатанинскому искушению.

Богоборческий настрой произведения связан как с революционными традициями романтизма, так и с судьбой самого Байрона, вынужденного уехать из своей страны, принимавшего участие в греческом национальном

освободительном движении. Вероятно, это повлияло на мрачный, но в то же время позитивный на фоне Бога образ Люцифера.

На страницах мистерии также ведется полемика с Мильтоном, что выражено и в образе Люцифера, который противопоставлен Сатане «Потерянного Рая» Мильтона гуманистическим настроением, отказом от восстания против Бога. Образ Люцифера, несмотря на всю критичность описания Байроном, является скорее конструктивным, нежели разрушительным.

Проанализировав произведения Кэдмона «Христос и Сатана» и «Генезис», Джона Мильтона «Потерянный Рай», Уильяма Блейка «Бракосочетание Рая и Ада» и «Тигр» и Джорджа Байрона «Каин» в главе 2, можно сделать выводы:

1) Образ Сатаны в произведениях английских авторов можно представить в виде эволюции от Кэдмона к Байрону. Общим для всех является использование образа библейского Сатаны как фундамента, однако, его трактовка тем сильнее расширяется, чем дальше находится автор от момента принятия христианства.

2) Можно сказать, что образ Сатаны у английских писателей «проживает» целую жизнь со всеми этапами развития. Трансформация на каждом этапе образа четко прослеживается у всех авторов. Кэдмон дает образ «классического», библейского Сатаны. Здесь еще нет большого художественного разнообразия, а Сатана мыслит и поступает в рамках библейского канона. Милтон начинает сомневаться, его Сатана приобретает больше индивидуальности, мотивы его уже не так однозначны, а категории добра и зла размываются. Сатана Блейка находится на пике своего бунтарства, он критикует и выступает против того, что раньше принималось как данность. И, наконец, Байроновский Люцифер – персонаж, достигший той самой свободы, за которую боролись его предшественники. Ему уже не надо никому ничего доказывать, он спокоен, мудр и выступает в качестве советчика. Он никому не подчиняется и ни с кем не ведет войн.

3) Нельзя не отметить преемственность литературного опыта авторов. Анализ текста показал предполагаемое влияние поэмы Кэдмона «Генезис» на поэму Мильтона «Потерянный Рай», которое выразилось в сюжетной линии, основанной на библейском мифе о грехопадении из ветхозаветной книги Бытия. Образ Сатаны из «Генезиса», гордого и надменного индивидуалиста, желающего отомстить Богу, практически неизменно повторяет Милтон в «Потерянном Рае». Несмотря на определенные позитивные черты Сатаны, он,

представляет сторону зла, уступая силам добра в виде Бога. Схожий образ имеет Сатана в поэме «Христос и Сатана», но богоборческие мотивы в ней заменяются раскаянием павшего ангела. Однако у Мильтона, ввиду политической революционной позиции, проявляется акцент на борьбу Сатаны с несправедливостью, что ранее отсутствовало у Кэдмона.

4) «Родственность» образов Сатаны можно связать с фидеистическим характером произведений Мильтона и Кэдмона. «Потерянный Рай» повлиял на становление романтизма. Поэты-романтики Блейк и Байрон восприняли мильтоновский образ Сатаны, акцентировав внимание на восстание против несправедливости, таким образом, обратив богоборческие мотивы поэмы в положительную сторону.

5) Блейк на страницах «Бракосочетания Рая и Ада» полемизировал с Мильтоном, утверждая, что Милтон был скован религией, а Сатана из «Потерянного Рая» на самом деле должен был быть главным героем. В «Бракосочетании Рая и Ада» Сатана также представляет сторону зла, но, согласно философии Блейка, добро и зло должны быть уравновешены и одинаково приняты человеком. Именно по этой причине Сатана из его произведения становится героем не отрицательным, а скорее нейтральным, наполненным мудростью.

6) Байрон имел схожую позицию относительно мильтоновского Сатаны, не считая «Потерянный Рай» поэмой, отражающей представления Мильтона о религии и, в частности, о Сатане. В мистерии «Каин» Люцифер, хоть он также, как и мильтоновский Сатана жаждет власти, не вызывает отрицательных эмоций и пытается помочь Каину найти путь к познанию. В то же время, антиавторитарный акцент сменился с богоборческого восстания на принятие Люцифером победы Бога. Но, как и Сатана Мильтона, он отказывается принимать чью-либо власть над собой.

7) Другой чертой, объединяющей «Потерянный Рай» и «Каина», является то, что в обоих произведениях Сатана борется с Богом косвенно, через людей. В «Потерянном Рае» он искушил Еву, в «Каине» он нес познание Каину,

укрепив его мысли в божественной тирании, что привело к печальным последствиям в виде братоубийства и последующего изгнания. В целом, если проследить историю становления образа Сатаны от Кэдмона к Байрону, то можно отметить, что, скорее, менялся образ Бога, происходил о его переосмысление. Непогрешимое абсолютное добро в поэмах Кэдмона с течением времени превратилось в тирана в мистерии Байрона. И именно на этом фоне образ Сатаны трансформировался от крайне отрицательного до относительно положительного.

8) Несомненно, оказали влияние на образы Сатаны исторические события, развитие христианской доктрины и богословия. Образы Сатаны в произведениях трансформируются относительно эпохи, в которой живут поэты. Современник христианизации Англии Кэдмон показал Сатану в поэме «Христос и Сатана» раскаивающимся, а в «Генезисе» возмутительным бунтарем. Такое расхождение в образах может быть свидетельством не только разного авторства произведений, о чем свидетельствуют некоторые литературоведы, но и недавнего принятия христианства самим Кэдмоном. У Мильтона в «Потерянном Рая» Сатана направлен на разрушение, им владеет желание мести. В этом прослеживается влияние пуританства, которое основывалось на ортодоксальных библейских канонах и представляло Сатану абсолютным злом. В то же время, Сатана показан в виде героя, борющегося с несправедливостью. Возможным влиянием на образ Сатаны послужила Английская революция, которую Милтон горячо приветствовал. Находившись между религиозной ортодоксией и революционным прогрессом, Милтон изобразил Сатану крайне неоднозначно. Из этого и вытекает дуализм образа. Блейк, восхищенный Французской революцией 1789 года и появившемся после нее культу разума, представляет Сатану в «Бракосочетании Рая и Ада» в виде рассудительного мудреца, который символизирует философию автора о важности принятия человеком добра и зла. Байрон также находится под влиянием Французской революции, которая происходила одновременно с церковной реакцией у него на родине. На образ Люцифера -просветителя также,

вероятно, повлиял культ разума.

Библейские образы и сюжеты заняли одно из главных мест в мировой литературе и культуре в целом. Английская литература представила миру ярких писателей, которые посредством своего творчества смогли запечатлеть культовый и уже неотъемлемый от национальной культуры Англии образ Сатаны.

В Англии было рано принято христианство: мнения разных исследователей отличаются, но охватывают промежуток между II и V веками. Вместе с христианством пришли Библия, новое мировоззрение и новый уклад жизни. Люди начали объяснять привычные им вещи и явления через библейское писание, божественное происхождение, придавать культовое значение библейским персонажам. Так, образ Сатаны изначально был связан с бедствиями и катастрофами.

В Библии от Ветхого к Новому завету, образ Сатаны сильно отличается. В Ветхом Завете он робок, хоть и решается на отважный шаг против Бога. Потерпев неудачу, он смиренно признает божественный авторитет и могущество, а себя считает глупцом. В Новом Завете Сатана воплощает зло в том виде, в котором его привыкли видеть: он искушитель и каратель тех, кто посмел оступиться. Такой контраст между образами Сатаны крайне важен для понимания художественного образа, так как он показывает изначальную неоднозначность Сатаны.

Большое влияние на образ Сатаны оказала Вульгата, перевод Библии на Латынь. Новый перевод добавил детали и расширил образ. Так, впервые Сатана и Люцифер стали синонимами и начали обозначать одного персонажа. Сам Сатана постепенно стал приобретать черты и переживания, свойственные человеку, отойдя от образа животного.

Процесс христианизации Англии и последующие отношения Англии с христианской доктриной были сложными и напряженными. Сначала вся Британия подвергалась набегам германских племен, которые пытались установить свои порядки. Удар по Христианству нанесло первое норманнское

завоевание в 1066 году, Англия попала в подчинении Франции. Во время Столетней войны (1337-1453) началось движение за церковную реформу, Библия была запрещена, а в 16 веке произошла сама реформация. Произошел раскол среди сторонников на англикан и пуритан, сама же реформация представляла собой политическую борьбу с последующим установлением диктатуры Кромвеля. Французская революция 1789 года также поставила под сомнение привычный уклад жизни, провозгласив новые ценности. Мильтон, Блейк и Байрон будучи современниками столь сильных социальных потрясений, не могли не наделять своего Героя настроениями эпохи.

Кэдмон, поэт, живший в VII веке, был максимально близок к ветхозаветному и новозаветному образам при изображении своего Сатаны. Также как и в обоих Заветах его Сатана сильно отличается от поэмы «Христос и Сатана» к поэме «Генезис». В первом случае он – раскаивающийся ангел и отступник, во втором – мстительный мятежник. В этом противопоставлении можно проследить отголосок эпохи – только принятое христианство еще не успело стать догматичным, библейское учение находится только в начале своего пути к признанию авторитетным. Так и Кэдмон еще не определился до конца в четкой интерпретации персонажей.

Несмотря на то, что Джон Мильтон писал спустя 10 веков после Кэдмона, некоторые исследователи уверенно отмечают вдохновение Мильтона Кэдмоном. Их поэмы объединяет схожий сюжет и настроения. Однако, в «Потерянном Рае» Сатана – результат мастерской работы художника, он принимает качественно иной образ, более продуманный и менее однозначный. Хотя Мильтон преподносит образ Сатаны как зло, это уже не бездумная месть или пустой мятеж – это битва за собственное понимание справедливости, борьба против авторитетов. Это также иллюстрация эпохи Мильтона, период реформации, схожая борьба против тирании происходила и в Англии. Стоит заметить, что Сатану Мильтона однозначным злом назвать нельзя, что находит отсылки к неопределенной судьбе самого Мильтона: изначально выступая за

реформацию и Кромвеля, впоследствии он в них разочаровался. Свои смятения Мильтон перекладывает и на Героя.

Особым почитателем Мильтона был Уильям Блейк. Он сетовал на то, что Мильтон недостаточно хорошо показал Сатану в «Потерянном Рае», что Сатана должен был быть протагонистом, поэтому Блейк создает поэму «Бракосочетание Рая и Ада», на страницах которой вступает с Мильтоном в полемику. Блейк изображает Сатану на пике его индивидуальности и стремлении к свободе. В стихотворении «Тигр» Блейк метафорически перекладывает образ Сатаны на образ Тигра. Нельзя сказать, что Блейк отождествляет Тигра/Сатану со злом. Скорее, он дает читателю возможность рассуждать самостоятельно. На Блейка сильно повлияла Французская революция, он провозглашал принципы максимальной свободы, что можно увидеть и в его героях.

Несмотря на то, что Блейк и Байрон были современниками, Байрон о Блейке не знал. Блейк же восхищался Байроном. Джордж Байрон уважительно отзывался о Мильтоне, несомненно, он был вдохновлен его опытом. Однако, Байроновский Люцифер в «Каине» сильно отличается от Сатаны Мильтона: у него нет мотивов богоборчества, он не признает авторитеты и власть над собой. Люцифер рассудителен и спокоен, в поэме он играет новую для своего образа роль – роль советчика. Результаты Французской революции видны и в творчестве Байрона. Блейк и Байрон, относясь к разным кругам, вдохновлялись одинаковыми идеалами.

Трансформация образа Сатаны представляет собой его художественное и сюжетное динамичное развитие. Кэдмон, в силу эпохи, создает Сатану похожего на того, который описан в Библии. Поступки и мысли Сатаны предопределены сюжетом, заданным библейскими историями. Но Кэдмоновский Сатана чрезвычайно важен для последующего развития данного образа, став первым известным писателем, заложившим эту традицию. Мильтон, оставивший «кэдмоновские» черты в поэме «Потерянный Рай», кардинально меняет образ Сатаны, меняя его позицию по отношению к Богу, а

самого Бога изображая как властителя. Категории добра и зла перестают быть однозначными, происходит сильный отход от библейского представления Сатаны. Сатана Блейка является своеобразной кульминацией образа. Он самоуверен, горд, рассудителен. Границы добра и зла трудно различить, а сам Блейк выступает с критикой Библии. И, наконец, Байроновский Люцифер – персонаж, который достиг той свободы, за которую боролись его предшественники. Он ни с кем не ведет войну, он самодостаточен и уверен в своих силах.

Образ Сатаны – это не только художественный и литературный образ. Это образ исторический, символ и отражение эпохи, взглядов и личных переживаний писателя. Образ Сатаны в истории литературы стал способом отражения идей, выступления против авторитарности и гнета над человеческой свободой. Будучи общепринятым олицетворением зла, Сатана позволяет наиболее остро подать проблему за счет перестановки акцентов доброго и злого, пересмотра устоявшихся ценностей, тем самым разбивая привычную картину мира читателя и добиваясь максимального эффекта. Будучи «вечным образом», образ Сатаны может использоваться и сегодня для передачи важного сообщения читателю, что подчеркивает актуальность и перспективность выбранной темы для дальнейшего изучения.

1. Аверинцев, С.С. Авторство и авторитет / С.С. Аверинцев // Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания. М.: Наследие, 1994. – с.105-125
2. Аверинцев, С.С. Хроникально-эпические тексты: Древнееврейская литература / С.С. Аверинцев // История всемирной литературы в 8 томах. Т.1 – М.: Наука, 1983. – с. 278-284
3. Акرويد, П. Блейк / Питер Акرويد // пер. Т. Азаркович – М.: София, 2004. – 666 с.
4. Аникст, А.А. Джон Мильтон [Электронный ресурс] / А.А. Аникст // Режим доступа: http://www.lib.ru/POEZIQ/MILTON/milton0_1.txt., свободный. – Загл. с экрана.
5. Байрон, Д.Г. Каин / пер. И.А. Бунина // Джордж Гордон Байрон. Сочинения в трех томах. Т.2. – М.: Художественная литература, 1974. – с. 385-467
6. Батай, Ж. Литература и зло [Электронный ресурс] / Жорж Батай. – с. 59-73 //Режим доступа: https://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/batai/04.php, свободный. – Загл. с экрана.
7. Беда Достопочтенный. Церковная история народа англоv / пер. В. В. Эрлихмана – СПб.: Алетейя, 2001 – 1457 с.
8. Белинский, В. Г. Взгляд на русскую литературу / В.Г. Белинский. Собр. соч. в 3-х т. Т.3. – М.: Наука, 1948. – 792 с.
9. Блейк, У. Бракосочетание Рая и Ада. The Marriage of Heaven and Hell / пер. А.Я. Зайцева // Уильям Блейк. Стихи. – М.: Прогресс, 1982. – с. 351-384
10. Блейк, У. Тигр. The Tyger / пер. В.Л. Торопова // Уильям Блейк. Стихи. – М.: Прогресс, 1982. – с. 172-173
11. Галкина, Е.В. Политические и религиозные основы «Американской исключительности» / Е.В. Галкина // Общество: политика, экономика, право.

№1 – Ставрополь: Хорс, 2016. – с. 87-91

12. Дьяконова, И. Я. Лирическая поэзия Байрона / И.Я. Дьяконова — М.: Наука, 1975. – 168 с.

13. Кареев, Н.И. Реформация и политическая жизнь в XVI и XVII веках [Электронный ресурс]/ Н.И. Кареев // История Западной Европы в Новое время. Том 2. // Режим доступа: <http://rushist.com/index.php/kareev-2>., свободный. – Загл. с экрана.

14. Кэдмон. Грехопадение / пер. В.Г. Тихомирова, ком. О.А. Смирницкой // Древнеанглийская поэзия – М.: Наука, 1982. – с. 95-132

15. Кэдмон. Христос и Сатана [Электронный ресурс] / пер. С. Заславского. Режим доступа: <http://www.foru.ru/slovo.4307.3.html>, свободный. – Загл. с экрана.

16. Курбонов, П. А. Драматическая мистерия Байрона «Каин» (по мотивам Библии и Корана) / П.А. Курбонов // Современная филология: материалы Междунар. науч. конф. – Уфа: Лето, 2011. – с. 100-103

17. Ли, Г.Ч. История Инквизиции в Средние века. / Г.Ч. Ли // Пер. с фр. А.В. Башкирова, ред. С.Г. Лозинский. Т. 2. – СПб.: Тип. Брокгауз-Ефрон, 1912. – 594 с.

18. Маутнер, Ф. История черта на Западе / Фриц Маутнер // «Атеист», № 8. – М.: Атеист, 1922. – с 1-2

19. Мильтон, Д. Потерянный Рай / пер. А. Штейнберга // Джон Мильтон. Потерянный Рай. Стихотворения. Самсон-борец. – М.: Художественная литература, 1976. – с. 27-375 с.

20. Михайленко, Е.Н. Библейские мотивы в позднем творчестве Д. Г. Байрона [Электронный ресурс] / Е.Н. Михайленко // Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Уфа: БашГУ, 2003. – 195 с. // Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/bibleiskie-temy-i-motivy-v-pozdnem-tvorchestve-bairona>., свободный. – Загл. с экрана.

21. Ненарокова, М.Р. Досточтимый Беда – ритор, агиограф, проповедник / М.Р. Ненарокова // Литература Средних Веков, Ренессанса и

Барокко. Вып. 9 – М.:ИМЛИ РАН, 2003. – 272 с.

22. Норт, Д. История церкви – от дня Пятидесятницы до наших дней / Джеймс Норт – М.: Протестант, 1993 – 416 с.

23. Олар, А. Христианство и Французская революция 1789-1802 [Электронный ресурс] / Альфонс Олар // пер. К. Шпицберга – М.: Атеист, 1925 // Режим доступа: http://istmat.info/files/uploads/28904/fr_relig-1_a-f-aulard_1925.pdf, свободный. – Загл.

24. Ромм, А.С. Байрон / А. С. Ромм. – Л.: Искусство, 1961. – 140 с.

25. Самарин, Р.М. Творчество Джона Мильтона / Р.М. Самарин – М: изд-во МГУ, 1964. – 486 с.

26. Смирин, М.М. Народная реформация Томаса Мюнцера и Великая Крестьянская война / М.М. Смирин – М: изд-во АН СССР, 1947. – 532 с.

27. Стецкевич, М.С. Церковь Англии и английское общество в середине XVIII – первой трети XIXв. / М.С. Стецкевич // Вестник СПбГУ. Сер. 6. Вып. 1 – СПб: изд-во СПбГУ, 2009. – с. 16-26

28. Токарева, Г.А. Мифопоэтика У. Блейка / Г.А. Токарева – Петропавловск-Камчатский: изд-во КамГУ, 2006. – 350 с.

29. Тютвинова, Т.А. Художественный метод Блейка: мистификация или пророчество? / Т.А. Тютвинова // Язык. Филология. Культура. №1. – М: Риодис Аналитика, 2013. – с. 52-59

30. Чамеев, А.А. Джон Милтон / А.А. Чамеев. Серия «Фамильная Библиотека: Парадный Зал», пер. с англ. А. Штейнберга // Режим доступа:<http://17v-euro-lit.niv.ru/17v-euro-lit/articles/angliya/chameev-dzhon-milton.htm>, свободный. – Загл. с экрана.

31. Чамеев, А.А. Джон Милтон и его поэма "Потерянный рай" / А.А. Чамеев – Л.: изд-во ЛГУ, 1986. – 129 с.

32. Шейнман, М.М. Вера в дьявола в истории религии / М.М. Шейнман – М.: Наука, 1977. – 110 с.

33. Шелли, П.Б. О Дьяволе и дьяволах // Шелли. Письма. Статьи. Фрагменты., пер. З.Е. Александровой. – М.: Наука, 1972. – с. 398-411.

34. Шерф, Р.К. Сатана в Ветхом Завете / Ривка Шерф // пер. Е. Дмитриенко, А. Григорьева, ред. Е. Сафонова. – М.: Касталия, 2017. – 194 с.
35. Широкова, Н. С. Римская Британия: Очерки истории и культуры / Н.С. Широкова – СПб.: Гуманитарная Академия, 2016. – 382 с.
36. Штокмар, В.В. История Англии в Средние Века / В.В. Штокмар – СПб.: Алетейя, 2005. – 203 с.
37. Яценко, М.В. Поэтическое осмысление Ветхого Завета в Древней Англии на материале нарратологического анализа отрывка из поэмы Исход / М.В. Яценко // *Cursor Mundi: человек Античности, Средневековья и Возрождения*. № 6. – Иваново: изд-во ИГУ, 2014. – с. 119-130
38. Bloom, H. *Modern Critical Views: William Blake* / Harold Bloom // *Bloom's Major Poets* – New York, NY: Chelsea House, 2003. – p. 116-120
39. Byron, G.G. *Cain* // *Byron. Poetical Works*. – London: Oxford University Press, 1904. – p. 520-545
40. Caedmon. *Christ and Satan* // *The Caedmon Poems. Translated into English Prose by Charles W. Kennedy*. – London: George Routledge & Sons Ltd., 1916. – p. 147-170
41. Caedmon. *Genesis* // *The Caedmon Poems. Translated into English Prose by Charles W. Kennedy*. – London: George Routledge & Sons Ltd., 1916. – p. 5-96
42. Cochran, P. “Romanticism” – and Byron / Peter Cochran – Newcastle: Cambridge Scholars Publishing, 2009. – 395 p.
43. Damrosch, L. *Eternity's Sunrise: The Imaginative World of William Blake* / Leo Damrosch – London: Yale University Press, 2015. – 332 p.
44. Frye, N. *Fearful Symmetry* / Northrop Frye – Princeton: Princeton University Press, 1990. – 477 p.
45. Gleckner, R.F. *Byron and the Ruins of Paradise* / Baltimore, MD: Robert F. Johns Hopkins Press, 1967. – 365 p.
46. Graham, J. *An Epistle to Lord Byron, on reading his Cain, a Mystery* [Электронный ресурс] / John Graham // *The Literary Gazette*, 23 March 1822 –

London, p. 185. // Режим доступа:
<http://spenserians.cath.vt.edu/CommentRecord.php?action=GET&cmmtid=7357>.,
свободный. – Загл. с экрана.

47. Guiley, R. *The Encyclopedia of Demons and Demonology* / Rosemary Guiley – New York, NY: Visionary Living, 2009. – 286 p.

48. Hancock, A.E. *The French Revolution & the English Literature* / Albert E. Hancock – New York, NY: Kennikat Press, 1967. – 191 p.

49. Hill, Ch. *The English Revolution 1640* / Chris Hill – London: Lawrence & Wishart, 1955. – 80 p.

50. Hill, Ch. *Milton and the English Revolution* / Chris Hill – London: Oxford University Press, 1977. – 445 p.

51. Hunt, L. *Lord Byron and some of his Contemporaries* [Электронный ресурс] / Leigh Hunt // *Quarterly Review*. №37. – London, 1828. – p. 402-446 // Режим доступа: <http://spenserians.cath.vt.edu/TextRecord.php?textsid=7862>., свободный. – Загл. с экрана

52. Jesse, J.G. *William Blake's Religious Vision* / Jennifer G. Jesse – Plymouth: Lexington Books, 2013. – 313 p.

53. Lewis, C.S. *A Preface to Paradise Lost* / C.S. Lewis – New York, NY: Oxford University Press, 1969. – 143 p.

54. Lovell, E.J. *Medwin's Conversations of Lord Byron* / Ernst J. Lovell Jr. – Princeton, NJ: Princeton Legacy Library, 2015 – p. 77-78

55. McGann, J.J. *Byron and Romanticism* / Jerome J. McGann – Cambridge: Cambridge University Press, 2002. – 311 p.

56. Milner, G. *On the Genius and Writings of Lord Byron* / George Milner // *Imperial Magazine*, 3 March 1821. – Liverpool. – p. 254-57

57. Milton, J. *Paradise Lost* / John Milton // ed. by K. Lewalski. – Oxford: Blackwell Publishing, 2007. – 388 p.

58. Pretyman-Tomline, G. *Charge Delivered to the Clergy of the Diocese in Lincoln* / George Pretyman-Tomline – London: Joseph Booker, 1813. – 58 p.

59. Roston, M. *Biblical Drama in England. From the Middle Ages to the*

Present Day / Murray Roston – London: Oxford University Press 1968. – 335 p.

60. Rumrich, J.P. Milton's Arianism: Why It Matters / John Peter Rumrich // Milton and Heresy – Cambridge: Cambridge University Press, 1998. – p. 75-92.

61. Sievers, E. Der Heliand und die angelsächsische Genesis. / Edouard Sievers – Halle: Neimayer, 1875. – 50 p.

62. Sims-Williams, P. Religion and Literature in Western England, 600–800. / Patrick Sims-Williams – Cambridge: Cambridge University Press, 2005. – 434 p.

63. Symonds, J.A. Lord Byron / John A. Symonds // The English Poets: Selections with Critical Introductions. Ed. by Thomas Humphry Ward. – London: Macmillan Publishers, 1880. – p. 244-255

64. Thorslev, P.L. The Byronic Hero. Types and Prototypes. / Peter Larsen Thorslev – Minneapolis, MN: University of Minneapolis Press, 1962 – 228 p.

65. Trott, J.H. A Sacrifice of Praise: An Anthology of Christian Poetry in English from Caedmon to the 20th Century / James H. Trott – Nashville, TS: Cumberland House, 1999. – 852 p.

66. Wedgwood, V.C. The Thirty Years War / Veronica Cecile Wedgwood – New York, NY: New York Review Books, 2005. – 536 p.

67. Williams, D. Prisons of Law and Brothels of Religion: William Blake's Christian Anarchism / Duane Williams // Essays in Anarchism and Religion. Vol. II. – Stockholm: Stockholm University Press, 2018. – p. 232-277.

¹ «Знали мы радость пред ликом властителя,
Во славу Ему пели песни веселые
Во дни былые, богатые радостью.
Но слава наша ушла безвозвратно,
В небесной дружине другие уж витязи,
Словом и делом господину верные.
Мне же за сердце многонадменное
Вечный удел – оковы тяжелые» [15].

² «Лживою речью нас склонил ты
Бросить спасителю службу верную.

...

Прельщены были словами красными,
Ныне же лик твой противен товарищам» [15].

³ «Мне же на сердце спокойно не было –
Мнилось, что вождь наш жесток и надменен.
Стал заходить я к товарищам-ангелам.
Речи держать с ними начал такие:
«Вот вам совет, небесное воинство.
Если силе моей доверитесь –
Сбросим с престола вождя кичливого.
Довольно его мы бахвальство слушали.
Воссядем сами во славе сверкающей
И свет изойдет от лика нашего» [15].

⁴ «Мне же судьба – скитанья долгие –
Удел изгнанника, бесславный, безрадостный.
Навек потерял я былых товарищей,
С кем вместе делил походы и пиршества» [15].

⁵ «Горе мне! Радости в веки утрачены:
Вождь милый ныне противник грозный,
Не встречу я больше с дружиной любимой,
Разве в бою, в побоище смертном
Судьбой не судилось мне, изгнаннику,
Ногою ступить в небеса высокие,
Очи подъять к свету предвечному,
Слух усладить трубами звучными.
Тяжек удел мой, делами заслуженный:
Сам я покинул чертог всевладыки,
Руку поднял на наследника юного,
Рук моих дело – величье и радость,
Что я утратил, клятву нарушивши» [15].

⁶ «Тогда Враг черный, демон злокозненный,
Поднял Господина Святого на руки,
Несет на плечах на гору высокую,
На вершину крутую поставил Спасителя» [15].

⁷ «Увы! Не сбросить нам ига тяжкого!
Навеки дозлеть наказание будет.
Не к доброму было твое желанье!» [15].

⁸ «Когда же убедился Всевадыка в измене,
В том, что слуга его, через меру гордый,
Речами бесчинными ополчился на Господина,
На хозяина, неразумный ангел,
Наказания ослушник не избегнул,
Была ему за смуту мука великая» [14, с. 97-98].

⁹ «Сказал: да наречется этот высочайший Сатаной отныне,
И страню бессветной пусть правит,
Да не спорил бы с Богом, – воскричал Сатана,

Сказал, кручинясь, обреченный отныне
В огне обретаться, пеклом править» [14, с. 102].

¹⁰ «Не хозяева они больше в краю небесном,
Но в бездны ада по черной стезе повлачатся;
Не о чем тебе печалиться там, в цепях, в преиспод ней,
Полно, многомогучий, душой сокрушаться» [14, с. 125].

¹¹ «Но знай, к Добру
Стремиться мы не станем с этих пор.
Мы будем счастливы, творя лишь Зло,
Его державной воле вопреки.
И если Провидением своим
Он в нашем Зле зерно Добра взрастит,
Мы извратить должны благой исход,
В Его Добре источник Зла сыскав» [7, с. 32].

¹² «Жестокое оружие! Но пусть
Всесильный Победитель на меня
Любое подымает! – не согнушь
И не раскаюсь, пусть мой блеск померк...
Еще во мне решимость не иссякла
В сознание попранного моего достоинства,
И гордый гнев кипит» [7, с. 30].

¹³ «Мы вправе на победу уповать:
В грядущей схватке, хитрость применив,
Напружив силы, низложить Тирана,
Который нынче, празднуя триумф,
Ликует в Небесах самодержавно!» [7, с. 31].

¹⁴ «...И мне сдается, даже в бездне власть –
Достойная награда. Лучше быть
Владыкой Ада, чем слугою Неба!» [7, с. 34].

¹⁵ «Сатана в тревоге, силы все свои напруг
И словно Атлас или Тенериф,
Во весь гигантский выпрямившись рост,
Неколебимо противостоял опасности.
Он головой в зенит уперся;
Шлем его увенчан был пернатым ужасом;
Сжимал кулак оружие, подобное копьё
И вместе с ним служившее щитом» [7, с. 138].

¹⁶ «Один из первых, первый, может быть,
Архангел - по могуществу и славе,
Всевышним взысканный превыше всех,
Он завистью внезапной вспылал,
Затем, что Сына Бог-Отец почтил,
Столь возвеличив, и Царем нарек,
Помазанным Мессией» [7, с. 160].

¹⁷ «Подобострастья дань и падать ниц
Перед Одним - безмерно тяжело;
Но разве не двукратно тяжелей
Двойное пресмыканье - пред Всемощным
И Тем, кого Он образом Своим
Провозгласил?» [7, с. 164].

¹⁸ «Мгновенно Небо заревом зажглось
И тотчас потемнело от клубов
Густого дыма из глубоких жерл,
Что диким ревом воздух сотрясли,
Его раздрали недра и, гремя,
Рыгнули адским пламенем и градом
Железных ядер и цепями молний» [7, с. 189].

¹⁹ «Дикие дела

Свершаются на Небе и грозят
Вселенской гибелью. Два дня прошли,
Но третий - Твой! Тебе определил
Я этот день, терпел до сей поры,
Чтоб слава окончания борьбы
Твоя была; побоищу предел
Единый Ты можешь положить:
Такую благодать и такую мощь
Я влил в Тебя, что Небеса и Ад
Признают несравненное Твое
Могущество. Я этот гнусный бунт
Направил так, чтоб Ты Себя явил
Наследником достойным и Царем...» [7, с. 192].

²⁰ «Томление — общий закон для Льва и Вола» [9; с. 379].

²¹ «Движение возникает из Противоположностей. Влечение и Отвращение, Мысль и Действие, Любовь и Ненависть необходимы для бытия Человека.

Противоположности создают то, что верующие называют
Добром и Злом.

Добро пассивно и подчиняется Мысли. Зло активно и проистекает от
Действия.

Добро — это Рай. Зло — это Ад» [9; с. 354].

²² «И злодей оставил дорогу покоя

И по опасной дороге
Загнал человека в пустыню.

Ныне в нежном смиренье ползает
Злая змея.

И ярится праведник в голых странах,
Где бродят львы» [9, с. 351].

²³ «Заметь, что Мильтон в темнице писал о Боге и Ангелах, а на свободе — о Дьяволе и Геенне, ибо был прирожденным Поэтом и, сам не зная того, сторонником Дьявола» [9, с. 355].

²⁴ «Поклоняться Богу — значит чтить дары его в людях, отдавать каждому должное и больше других любить великих людей: кто завидует и возводит хулу на великих, тот ненавидит Бога, ибо нет во вселенной иного Бога» [9, с. 377].

²⁵ «Ангел сделался синим, но совладал с собой, и сделался желтым, белым и, наконец, розовым» [9, с. 377].

²⁶ «В преисподней иль в эдеме
Некто в царской диадеме
Огнь в очах твоих зажег?
Как он вытерпел ожог?» [10, с. 173].

²⁷ «А когда ты в ночь умчался,
Неужели улыбался
Твой создатель — возлюбя
И ягненка, и — тебя?» [10, с. 173].

²⁸ «Тигр, о тигр! кровавый сполох,
Быстрый блеск в полночных долах,
Устрашительная статья, —
Кто велел тебе восстать?» [10, с. 173].

²⁹ «...мы увидели пурпурную и зеленую голову Левиафана, полосатую, как голова тигра; мы увидели его пасть над клокочущей пеной и жабры, струившие кровь в черную глубину; он устремился к нам с неистовством гнева» [9, с. 373].

³⁰ «Тигры гнева мудрей лошадей поученья» [9; с. 361].

³¹ «Я говорю, что змий был только змий:
Спроси у херувимов, стерегущих
Запретный плод» [5; с. 395].

³² «Деятель

Добра и зла не создал их такими,

Добро и зло суть сами по себе.

Но, если он дает добро, - зовите

Его благим; а если от него

Исходит зло, то изыщите верный

Источник зла, - не говорите: это

Свершил злой дух» [5; с. 442].

³³ «Но я не Бог и, не достигнув Бога,

Хочу одно: самим собой остаться.

Он победил, - пусть царствует!» [5; с. 392].

³⁴ «...Я мог быть выше или ниже,

Но никогда слугой

Могущества Иеговы» [5; с. 398].

³⁵ «Один лишь добрый дар

Дало вам древо знания - ваш разум:

Так пусть он не трепещет грозных слов

Тирана, принуждающего верить

Наперекор и чувству, и рассудку.

Терпи и мысли - созидай в себе

Мир внутренний, чтоб внешнего не видеть:

Сломи в себе земное естество

И приобщись духовному началу!» [5; с.442].

³⁶ «Мы, духи, с вами, смертными, мы можем

Хоть сострадать друг другу; мы, терзаясь,

Мучения друг другу облегчаем

Сочувствием: оно весь мир связует» [5 с. 393].